

J. R. CROW

The title 'ЖНЕЦ' is rendered in a large, bold, black serif font. It is surrounded by intricate, light gray decorative flourishes that resemble stylized grass or calligraphic swirls. Below the main title, the words 'И ЕГО ТЕНЬ' are written in a smaller, bold, black sans-serif font.

ЖНЕЦ
И ЕГО ТЕНЬ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С88

Crow J. R.

С88 Жнец и его тень/ J. R. Crow. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 442 с.

ISBN 978-5-517-13134-8

Не живые и не мёртвые, могущественные, но связанные строгими правилами, жнецы смерти испокон веков сопровождают души из жизни в жизнь. Их работа — почётный долг и искупление за грехи.

У главного жнеца отдела по работе с мёртвыми душами №4 трёхсотлетний стаж и безупречная репутация. Но однажды в его не-жизни появляется девушка Варвара и втягивает в головокружительную охоту за тайнами прошлого. Была ли их встреча случайностью? Все ответы погребены под песками времени, но ведь Варвара не зря учится на археолога!

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Crow J. R., 2025
© AGS, иллюстрация, 2025
© Александр Пашук, дизайн, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии, 2025

ISBN 978-5-517-13134-8

Глава 1. Позвольте представиться, Смерть

Безмятежно паря под стерильно-белым потолком, Верочка ощущала невероятную лёгкость, будто бы, придя из школы в разгар зимы, сбросила объёмный пуховик и толстый свитер, пробежалась по комнате, расставаясь с остатками тепла. Внизу суестились врачи, передавая друг другу инструменты, громоздкий прибор показывал тонкую сплошную линию и монотонно гудел на одной ноте. Светящаяся нить тянулась к чему-то безжизненному и красному, чему-то, что Верочка больше не осознавала своим телом. Она без интереса скользнула взглядом по кафельным стенам, стеклянным шкафам, потом замерла в странном оцепенении: у дверей операционной стояли двое мужчин в чёрных кожаных плащах и широкополых шляпах. Они были холодны и терпеливы, как те, кому некуда торопиться, как те, кто в любом случае возьмёт своё...

— Разряд!

Неведомая сила сковала Верочку, светящаяся нить стала сжиматься, скручиваться, увлекая её назад, вниз... в мир людей. Последнее, что девочка запомнила, были глаза врача над зеленоватой маской, полные спокойного торжества.

— Шеф! — стажёр порывисто указал пальцем на реаниматолога. — Он что, нас видит?!

Глаза врача действительно были устремлены на дверь, около которой они стояли. Глаза усталого победителя.

— Не видит, — бесстрастно отозвался жнец. — Здесь работа закончена, уходим.

— Но почему он пялится? Будто насмехается над нами! — в руке стажёра возник серебристый серп. Он занёс его, будто собираясь нанести удар. Жнец перехватил его за запястье.

— Серп жнеца — опасный инструмент. Не размахивай им, как курица крыльями.

— Думает, что победил смерть! Такое неуважение! Шеф, разве вас это не бесит? — стажёр покладисто заставил серп исчезнуть, но спорить не перестал. — Как будто через год или даже пять десятков лет мы не возьмём своё!

— Стажёр, — жнец чуть повернул голову и пристально посмотрел ему в глаза, — вся человеческая жизнь — это выбивание отсрочек у смерти. Каждый час, каждый день, каждый год — это победа. Победа, которой они имеют право гордиться. Мы работаем, чтобы сохранился естественный порядок вещей, а не гоняемся за количеством сжатых душ.

По лицу стажёра было видно, что он не согласен, но под стальным взглядом шефа он сник и покорно выдавил:

— Я понял, простите.

— На сегодня всё. Осталось заполнить отчётность. Пошли, — лицо жнеца вернулось к эталонно бесстрастному выражению.

Двое вестников смерти развернулись и, не оглядываясь, шагнули в облако тёмной мглы — чтобы мгновение спустя оказаться в квартире с высокими потолками. Всё здесь несло отпечаток глубокой старины: деревянный пол, секретер с потрескавшимся лаком, обеденный стол на десять персон, пожалуй, видели не менее сотни лет человеческой истории.

Жнец аккуратно снял пальто и шляпу, развесил на выдавшей виды вешалке и кивком указал стажёру присаживаться. Затем вытащил из секретера папку, развязал её и точно разделил бумаги на две равные части. Стажёр вытащил из кармана пиджака ручку и тоскливо посмотрел на кипу документов.

— Шеф, а это обязательно? У меня сегодня первый рабочий день! Может, я завтра заполню, а?

— Обязательно, — не терпящим возражения голосом отозвался жнец и притянул к себе свою часть бумаг.

Около получаса по человеческим часам они провели в тишине. Стажёр тщательно выводил каждую букву на мертвенно-белых бланках, потом заскучал и попытался втянуть начальника в разговор:

— Шеф, вы вот давно этим занимаетесь? Вы любите свою работу?

Жнец поморщился, справляясь с мимолётным раздражением:

— Говорят, что служба жнеца — это искупление грехов прошлой жизни. Интересно, что я такого натворил, если после трёхсот лет безупречной службы моё наказание — это ты?

— Ну зачем так грубо? — надулся стажёр, — я просто хотел... как бы сказать, влиться в коллектив, наладить общение. Как и все, я не помню, кем был раньше, но я сам вызвался на эту службу. И, даже несмотря на бумажную волокиту, мне здесь нравится! Это что, тоже запрещено?

— Не запрещено, — жнец усмехнулся одними уголками губ. — И это пройдёт.

Ещё какое-то время в комнате царила благословенная тишина.

— Я закончил! — первым сообщил стажёр. — Осталось только подпись. И... что писать?

— Пиши: «младший жнец отдела № 4 по работе с мёртвыми душами».

— Просто «младший жнец»? И всё? А вдруг в отделе есть ещё младшие жнецы, и...

— Ты такой один. Навязали новичка на мою голову.

— Ну ладно, я один. А если старший? Когда меня знакомили с командой, там было минимум три старших и два ведущих. Как различать, какой из них подал отчёт? Или у вас тут коллективная ответственность?

— Вот так, — жнец поднёс к строгому росчерку «главный жнец отдела № 4 по работе с мёртвыми душами» кончик серпа, бумага потемнела, пятно сложилось в очертания черепа. — Серп — это не только оружие, это ещё и твоя подпись, твой единственный и главный документ.

— Понятно... — стажёр поднял руку, собираясь призвать верный инструмент, но остановился на половине жеста, — шеф, можно кофе?

— Самообслуживание, — обречённо вздохнул жнец и махнул рукой в сторону кухни.

Стажёр вскочил, как будто только что освободился от клея, который намертво прилепил его к стулу, и стремглав бросился к дверям. Вскоре из кухни донеслось:

— Вау, какая у вас кофеварка крутая! Обалдеть! Вам сделать?

— Сделай, — подумав, согласился жнец.

Стажёр вернулся, неся в руках два высоких стакана, из которых поднимался ароматный пар. Один с неким подобострастием поставил перед начальником, другой сжал ладонями, привалился к деревянному косяку, сделал глоток, наслаждаясь отменным вкусом.

— Шеф, а вы давно здесь живёте?

— Сто пятнадцать лет.

— Ох, это много. Наверное, грустно будет съезжать?

— Съезжать? — впервые каменное спокойствие главного жнеца пошатнулось, в голосе слышались нотки растерянности.

— Мы сегодня того мужика забирали из городской администрации, департамент жилья, помните? Так у него на столе были списки зданий под снос. Этот адрес на первой строчке.

— А ты внимательный. Молодец, — нехотя похвалил жнец, хотя новость его очень не обрадовала, он старался по возможности не ввязываться в вопросы, где приходится привлекать внимание людей и их компетентных служб.

— Да не переживайте вы так, — попытался подбодрить его стажёр, — вы столько лет трудитесь, наверняка накопили денег, как раз подберёте что-нибудь поприличнее. Кстати, я вот подумал, это так забавно, что мы, хранители переходов между этим миром и иным, вынуждены пользоваться человеческими деньгами. Это ведь можно, например, попросить у какого-нибудь толстосума пару миллиончиков, чтобы забрать его на годик позже...

Миг — и в комнате потемнело, дохнуло промозглым осенним ветром, а стакан с только что изумительно горячим кофе покрылся кристалликами льда.

— Жнецы, — медленно проговорил шеф, — подчиняются своду правил. Не использовать силы в личных целях. Не передавать служебную информацию третьим лицам. Не... И если на мелкие злоупотребления, бывает, закрывают глаза, то взятки от смертных караются мгновенно и сурово. Попробуешь — тут же вылетишь с работы обратно в Пекло. Я лично прослежу за этим.

Стажёр беспомощно сжался, вцепившись в холодный стакан, как в единственную точку опоры.

— Я... я... я же гипотетически! Я не собираюсь этого делать! Я просто спросил!

Тьма рассеялась, будто её и не было.

— Ты просто спросил, а я просто ответил, — невозмутимо пожал плечами жнец. — Подпиши отчёты и иди домой. Уже поздно.

— Д-д-да.

Стажёр залпом выпил остывший кофе, нервно поставил печать на документы и просочился сквозь закрытую дверь квартиры, забыв попрощаться.

Жнец тщательно упаковал отчёты в папку, положил на полку, запер секретер на ключ и только после того позволил себе растянуться на кровати, сложив руки на груди. Тем, кто не мёртв и не жив, на самом деле не обязательно было спать, они не видели снов, но эти краткие часы давали забвение и покой, освобождая от тягот прошедших дней. Обычно ему удавалось провалиться в иллюзию сна мгновенно, но именно сегодня не получалось. Всё существование жнеца было отдано работе, и старая деревянная квартира была продолжением этой работы, где всё было продумано до мелочей, все вещи были на своих местах, ничто не отвлекало внимания. Необходимость вновь погружаться в хлопоты обустройства, в каком-то смысле — снизить до дел, заполняющих жизнь простых смертных, изрядно нервировала, и в то же время — пробуждала в груди какой-то непонятный, даже неприличный для порядочного жнеца азарт.

Только убедив себя, что стажёр мог ошибиться, жнец смог наконец уснуть.

— Иван Васильевич! — требовательный женский голос раздался вместе с настойчивым стуком в дверь. — Иван Васильевич, выйдите на минутку!

Жнец не сразу осознал, что обращаются к нему: это было не его имя, у него вообще не было имени. Все сто пятнадцать лет, что он жил в этом доме, никому и не было дела до того, как его зовут. Соседи проходили мимо, иногда небрежно здороваясь: в последние годы правления последнего царя, в жерле бушующей революции, запомнившейся постоянными сверхурочными, в годы суматошной перестройки. Всё было так, пока не появилась Марфа Сергеевна. Бойкая пенсионерка советской закалки стала старшей по дому каких-то два года назад, и с тех пор у жнеца появился телефон, паспорт и стойкий страх перед такими вот бодрыми дотошными бабушками, на которых, кажется, не действовали никакие потусторонние чары.

В тот день он, как обычно, возвращался домой, когда Марфа Сергеевна окликнула его из-за открытой двери на первом этаже:

— Молодой человек! Вы из четвёртой? Не зайдёте на минутку?

Чистенькую кухню Марфы Сергеевны повсеместно украшали накрахмаленные салфетки, сквозь стеклянные дверцы шкафа виднелся красиво выставленный парадный сервиз. На тусклом экране старомодного телевизора крутилась классическая советская комедия.

— Да вы садитесь, садитесь, — поторопила старушка. Она поставила на плиту эмалированный чайник в цветочек и чиркнула спичкой.

Потом присела напротив и уставилась, как строгий следователь смотрит на подозреваемого.

— Как вас зовут?

Жнец беспомощно оглянулся на телевизор в поисках поддержки.

— Фамилия? — спросил милиционер на экране.
— Рюриковичи мы, — ответил герой.
— Имя-отчество?
— Иоанн Васильевич...
— Рюрик Ио... Иван Васильевич, — представился жнец, не сумев быстро придумать ничего получше.

Марфа Сергеевна подозрительно покосилась на телевизор, потом на него.

— Паспорт есть?
— Зачем вам мой паспорт? — совсем растерялся жнец.
— Так я старшая по дому теперь, — гордо сообщила старушка. — Должна же я знать, что вы не жулик?

Как паспорт мог помочь в этом убедиться жнец не понял ни тогда, ни потом. Отмазка тоже получилась нелепой:

— Дома забыл.
— Что за молодёжь пошла! — возмутилась Марфа Сергеевна. — В моё-то время вас бы быстро приучили без документов на улицу не выходить. Впрочем, — сменила она гнев на милость, — ничего, чай, потом. Чайком со мной побалуйтеесь?

Они действительно выпили чай с отменным вареньем из грецкого ореха и чернослива, и, выслушав все сплетни о других обитателях дома, жнец обрёл свободу.

Паспорт Марфе Сергеевне он всё-таки показал — отдел адаптации потусторонних существ позаботился, выправил. С тех пор старшая по дому от жнеца отстала. По крайней мере, никогда не стучала в двери — выходить из квартиры он стал исключительно магическими путями. Никогда до сегодняшнего дня.

— Товарищ Рюрик! — старушка пустила в ход тяжёлую артиллерию. — Пусть фамилия у вас и княжеская, имейте совесть!

Пришлось опускать ноги в тапки и медленно брести открывать.

— Доброе утро, Марфа Сергеевна.
— Какое утро, — фыркнула старшая по дому, неодобрительно осмотрев чёрную шёлковую пижаму с покемонами, — семь ужо. День!

Она осуждающе цокнула языком потом протянула сложенный пополам лист бумаги.

— Постановление пришло. Расселяют нас. Вот, хожу, всем сообщаю. Государство, конечно, обещало предоставить, да что они предоставят, срам один. Вам есть куда переехать?

— Есть, — соврал жнец. — Спасибо... за предупреждение.

— Да не за что, — грустно вздохнула Марфа Сергеевна, с то-ской оглянувшись на дверь своей квартиры. Наверное, тоже прожила в старом доме всю жизнь и не хотела с ним расставаться.

— Ну, хорошего дня.

Она ушла, чуть прихрамывая, а жнец непроизвольно сжал постановление в кулаке, превращая его в ком мятой бумаги. В тот момент он был совершенно уверен, что Небеса в самом деле решили за что-то его наказывать.